УДК 321(091); 34(091)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ в 1920 – 1922 гг.

Панькин Станислав Игоревич,
Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации,
филиал в г. Челябинске,
старший преподаватель,
кандидат социологических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена анализу политических программ организаторов вооруженных выступлений в регионе в 1920–1922 годах. Выявлены особенности идеологий в различных очагах с учётом национального и социального состава участников движения. Показано развитие основных идей и постулатов повстанчества в рассматриваемый период.

Ключевые понятия:
повстанчество,
политическая платформа,
дезертирство,
военные руководители,
восстания.

В 1920–1922 гг. Южный Урал являлся ареной массового повстанческого движения. Единой программы борьбы с властью не существовало, различными были цели участников выступлений. В программных политических документах повстанцы излагали причины, цели и средства борьбы, требования к местной и центральной властям, свой взгляд на решение главных проблем российского общества и государства. В числе последних были затрагиваемые во всех воззваниях: продразверстка, отношение к РКП(б) и другим политическим партиям, взаимоотношения крестьянства (казачества) и власти, государственно-правовое устройство России, роль РККА и трудовых армий.

Для реконструкции политической платформы необходимо обратиться к материалам, исходившим из повстанческого лагеря. Требования повстанцев и их взгляды в концентрированном виде изложены в декларациях, постановлениях, воззваниях, дополнением служит делопроизводственная документация: приказы, переписка, протоколы и постановления собраний.

Хронологически первым является восстание «Черного орла» в Уфимской губернии в феврале–марте 1920 г., возникшее как стихийный протест насильственным действиям по изъятию продуктов. Документы «штабов» (очагов восстания) дают представление о направленности вооруженного протеста. Воззвание в Заинске так объясняет причины выступления: «Зачем мы восстали? … Мы – многомиллионное крестьянство. Наши враги – коммунисты. Они пьют нашу кровь и угнетают нас как рабов. Они отбирают наш последний кусок для того, чтобы вести гражданскую войну…» [2, с. 128]. Воззвание штаба «Черного орла» провозглашало идеи: «Да здравствует народное правительство, избранное тайным и равным для всех голосованием!», «Да здравствует республика и самоопределение народностей!» [4]. В этом восстании звучали зачастую взаимоисключающие лозунги: в Бугульминском уезде – здравицы в честь Красной армии, Ленина, Троцкого, божественной веры, а также – «Долой большевиков – угнетателей»; в Мензелинском – «Да здравствует Всенародное учредительное собрание!» [3, с. 279]. Эти расхождения не мешают обозначить основные положения идеологии «Черного орла»: а) признание Советов, Красной армии, обвинение РКП (б), за исключением главных «вождей», б) «подлинное народное представительство с равным и тайным голосованием», в) прекращение гражданской войны, свободная торговля и отмена продразверстки. В целом восстание по характеру не было национальным и антисоветским, антикоммунизм оставался на местном уровне, как и

антиправительственные высказывания, а на практике советы сохранялись, несмотря на присутствие идей Учредительного собрания.

Представляется уместным изложить эсеровское видение проблемы повстанчества, поскольку РКП(б) обвиняла партию социалистов-революционеров в идейном руководстве почти всеми восстаниями. Из материалов, изъятых челябинскими чекистами летом 1920 г., следует, что левые эсеры свою главную цель видели в развитии «процесса социализации, органического вытеснения всех элементов принуждения» [5]. Провозглашался принцип децентрализации и федерализма в экономической и политической сферах. Руководство всеми сторонами жизни трудящихся должны были осуществлять избранные на сходах «трудовые, профессиональные и потребобщества, союзы и группы специальных комитетов», созывавшие съезды делегатов, избиравшие «свои Советы» вплоть до федерального уровня. Политическая автономия дополнялась, таким образом, экономической самостоятельностью и представительством корпоративной модели. Гарантом порядка должны были выступить, по мнению эсеров, повстанческие отряды, подчиненные «Военным комитетам – официальным представителям самообороны территорий». Касаясь трудовых отношений, критике подверглась трудповинность, «аппелирующая к рабским стимулам понуждения» и противоречащая «цели социализма: защите конкретной личности трудящегося, а не абстрактных интересов труда, оторванных от самого человека». Эсеры желали пресечь тенденции к усилению военной власти, возникшие из-за того, что «компартия, не имея поддержки масс, пытается превратить войну России с Польшей в национальную».

Новые сюжеты в воззваниях повстанцев появляются летом-осенью 1920 г. во время начала продкомпаний и усиленных мобилизаций в регионе. Они исходили от представителей новых сил, включившихся в политическую борьбу. Важной вехой в развитии повстанчества явилось восстание кавбригады в Бузулуке в июле 1920 г., во главе с начдивом А.П. Сапожковым, ставшее прецедентом для последовавших за ним мятежей в воинских частях, где установки сапожковцев повторялись и дополнялись. В начале восстания А. Сапожков выдвинул лозунги: «Долой коммунистов, старых спецов, да здравствует свободная торговля»! [3, с. 301] .Название, данное восставшей части – «1-я Красная Армия Правды» – несло в себе двойной смысл. Она становилась базой для формирования вооруженных сил нового типа, «войск Правды» – подлинной Красной Армии, верной идеям революции, в отличие от «ведущей захватнические войны» РККА, кроме того в понятии «Армия Правды» выделяли политическую организацию, провозгласившую борьбу с режимом.

В первом обращении «Армии Правды» указаны причины выступления: отстранение населения от участия во власти, эксплуатация крестьян «бандами продармейцев», произвол комиссаров [3, с. 759]. Основные идеи получили развитие в воззвании «Ко всему беднейшему... и угнетенному ... населению», где сообщалось: «... на фронте мы получали тысячи писем от наших отцов, братьев, живущих в тылу. Все они были полны стонами и жалобами на все те насилия, ... лишения имущества и даже жизни, которые производились от имени народа... Советской Власти ... Партия коммунистов забрала власть в стране и стала проводить диктатуру, то есть полную власть одной только партии, но не диктатуры всего пролетариата» [1, с. 190–191].

В виде последовательно изложенных программных требований составлена «декларация прав человека < и > гражданина РСФСР»: ликвидация политконтроля в лице комиссаров, сокращение трибуналов в войсках, отмена смертной казни, перевыборы Советов, упразднение органов ЧК, провозглашение равенства наций с предоставлением автономии или права выхода из состава Федерации, передача церкви под власть церковных советов [1, с. 189–190]. Необходимо отметить, что вина за состояние, в котором оказалось общество, возлагалась, за исключением «честных коммунистов» (включая В.И. Ленина и Л. Троцкого), на РКП(б) в целом. Документы свидетельствуют, что А. Сапожков допускал возможность диалога лишь с центральным руководством, исключая уполномоченных и местные власти: «мы хотим заставить правительство < прислушаться> к нашему голосу ... и изменить политику в образе правления страной...» [3, с. 759].

«Сапожковщину», как явление, стоит рассматривать как форму военной оппозиции, поиск альтернативы коммунистической идее и крестьянской стихии в виде заговора и последующего мятежа.

Осенью 1920 г. в Челябинской губернии часть казаков объединилась с дезертирами и, вступив в вооруженную борьбу с властью, выдвинула политические лозунги. Платформу таких отрядов можно рассмотреть на примере документов «Голубой Армии» (Челябинский и Троицкий уезды). В развернутом воззвании пояснялись цели выступления: «Голубая Армия» не является орудием в руках какой-нибудь партии или класса, а большинства русского народа ... волю которого она исполняет, борется за немедленный созыв Учредительного собрания». Здесь, как и в «Армии Правды»,

присутствует двойной подход к названию с т.з. военной и политической организации, а отличием является восприятие РКП(б) и Советов как единого целого, альтернативой им провозглашалось Учредительное собрание, что характерно для повстанцев-казаков. Штаб «Голубой Армии» заявлял: «Все для народа и все через народ ... Беспартийные граждане ... должны быть хозяевами страны, а не какая-нибудь партия или класс» [6]. Новым сюжетом звучало отрицание любой партийности, идей социального неравенства как старого образца, так и нового, в форме диктатуры классов.

В четко прослеживаемой организационной и идеологической связи с выступлениями в Челябинской губернии следует рассматривать движение в Малой Башкирии (август-декабрь 1920). Его особенностью являлось наличие различных группировок в руководстве. Одни стояли на платформе самостоятельности Башкирии в рамках советской системы и неприятия пришлых коммунистов. Другие, обходя молчанием Советы, провозглашали идею Учредительного собрания и бескомпромиссной борьбы с РКП(б). Листовка повстанческого «Штаба Красной Армии Башкирии» раскрывала направленность и лозунги выступления: «мы объединяемся и ведем борьбу для избавления от варварского отношения коммунистов к башкирам. Да здравствует самоопределение народа. Долой противников автономного Башкирдистана» [6]. Идея национальной автономии свидетельствует о желании объединить на данной платформе как можно больше сил и представить движение как общебашкирское, в пользу чего говорит и требование о возвращении членов прежнего ревкома, которые смогли бы, по мысли повстанцев, вернуть автономию и прекратить дискриминацию башкир.

Принципиально иную позицию несет в себе обращение ко «Всем гражданам Урала», исходившее из штаба «военрука Башкирии» Ф. Магасумова, возглавившего выступление в Тамьян-Катайском кантоне [7]. В качестве «защитников граждан Урала» в листовке выступали «учредиловцы». Воззвание отождествляет коммунистов и большевиков, развивая идею их богопротивности, что ранее наблюдалось в документах «Черного орла», но «учредиловцы» аппелируют только к «вере Христовой», не упоминая прочие конфессии. Объяснить это, как и провозглашение идеи Учредительного собрания, можно влиянием казачьей составляющей. Листовка наряду с прочими подписана С.А. Выдриным и Я.Г. Лукониным, лидерами оренбургских казаков-повстанцев.

Вынужденный характер повстанческого движения в Башкирии подтверждает выдержанное в спокойном тоне обращение «ко всем гражданам БАСР», с текстом соглашения между БашЦИКом и РВС повстанцев, где признавался ряд ошибок, но вина возлагалась на отдельных лиц, «проявлявших по отношению к башкирским массам проявления шовинизма» [8].

Требования русских крестьян мало чем отличались, причины и основные цели были идентичными, но в то же время в августе 1920 г. в Кустанайском уезде произошло восстание, предложившее иную позицию. Штаб «военно-революционного отряда» выдвинул лозунг «Да здравствует Учредительное собрание». Эта идея, более характерная для казачьих выступлений, выделяет Кустанайских крестьян-повстанцев. Выступая за свержение Советской власти, они сохраняли исполкомы, возложив на них проведение мобилизации. Такое расхождение идеологии и практики уникально, особенно если учесть, что повстанцы именовали себя «Зеленой Армией» [9].

После поражения выступлений в Башкирии, повстанчество можно условно разделить на движение в форме действий мобильных отрядов, не привязанных к местности, с хорошо поставленной агитационной работой, и массовое восстание крестьян в Сибири и Зауралье (весной 1921 г.), ставшее кульминацией движения. Его особенность – множество очагов, отличавшихся идейным разнообразием. На практике восставшие в основном реализовывали лозунг «Советы без коммунистов», сохраняя исполкомы, с перевыборами сельсоветов, арестом членов РКП(б). В воззваниях обозначали свою цель как «освобождение народа от ига коммунистов». Воззвание Шмаковского штаба «Народной Армии» поясняло: «Не поднимайте руки против нашей Армии, она идет за свободу, за Власть Советов, не признает никаких партий, не хочет рабства и насилия, какое было восстановлено со стороны партии коммунистов». На контролируемой территории всем поселкам предлагалось принять специальное постановление «Задачи воли народа» – с рекомендацией избрать временный исполком, «а партийных всех арестовать». В итоге: «не отрицая Советской власти», собрание должно было «выразить протест действиям продорганов» [10]. В целом курганские повстанцы 1921 г. выступали за народную власть, хотя бы и в форме свободных от большевиков Советов. В перспективе иногда допускался созыв Учредительного собрания, но почти все отряды резко осуждали любую партийность.

Большое значение для понимания идеологии выступлений в 1920–1922 гг. имеет анализ воззваний мобильных повстанческих групп. В январе 1921 г. В. Серов и РВС «восставших войск Воли Народа» в Уральской области издают Декларацию [11]. В ней провозглашалась отмена диктатуры пролетариата, всех декретов, назначений комиссаров из центра,

недействительными и «вредными» объявлялись все партийные и профсоюзные органы, «взявшие в свои руки государственные функции». Существование партий допускалось, за исключением черносотенцев, но ограничивалось рамками парламентской деятельности. Повстанцы заявляли, что «будут бороться со всеми попытками ... навязать власть Народу, которая должна быть избрана по принципу всеобщего избирательного права», а «посягательства партий на захват госвласти будут считаться узурпаторством». Закреплялся принцип самоопределения народностей и областей, с представлением права выбора форм управления и автономии этим субъектам. Свобода выбора при создании власти снизу не ограничивалась, но лозунг в поддержку Советов отсутствовал: «Принимая во внимание, что Коммунистическая власть своими террорами и расправами сильно запугала народ, то новая власть предлагает ... избирать власть на местах по своему усмотрению». Новое звучание получает и антикоммунистическая направленность. Вина за бедственное положение страны возлагается на РКП(б) в целом, а не на отдельных комиссаров. В декларации объявлялась борьба с «насильниками-коммунистами, спекулировавшими на коммунизме», но не со «священной» идеей коммунизма, которую «коммунистическая власть» предала и извратила. Представляется, что декларация содержала социалистическую программу, в смысле неприятия политики правящего режима, что подтверждается идеей верности революции 1917-го, принципы которой для повстанцев «служат фундаментом в строительстве России». Речь идет о «второй революции», но имеется в виду Февральская, а не Октябрьская, как считают некоторые исследователи [2, с. 143]. Руководство страной должно было перейти от РКП(б) к новому Революционному органу, представлявшему интересы народа.

Программу В. Серова частично воспроизводят и дополняют новыми сюжетами оригинальные документы «Народно-революционной армии» Охранюка-Черского, созданной из восставшей части РККА весной 192 1 г. В воззвании заявлено несогласие воевать с собственным народом: «Вызывая нас, красноармейцев, из разной местности для уничтожения, как нам говорили, бандитизма ... и мы откликнулись на их зов, ... вместо бандитов мы увидели родных, отцов, матерей и детей, пухнувших от голода, когда просили свой хлеб, то их называли бандами и заставляли нас их уничтожать» [12]. Речь шла об участии кавдивизиона Охранюка в подавлении восстаний в Башкирии осенью 1920 г. Такой непосредственный контакт с повстанцами открыл глаза красноармейцам: «Мы, видя такую несправедливость, положили этому конец, порешив раз и навсегда уничтожить всех угнетателей в корне и дать народу полную спокойную жизнь». В отличие от В. Серова, Охранюк объявил войну и коммунистам, и их идеологии: «...не допускается никакая идея коммунизма... ». Предполагалось «объявить Всероссийский съезд Учредительного собрания» с основной задачей – избрать главу государства. Декларация предлагала будущий госстрой: «должна быть Республика одна, и ею будет управлять один человек» – президент, «как в Соединенных Штатах» [13]. То есть провозглашалась смешанная республика, где глава государства – президент, избираемый не всенародно, а представительным органом. Зависимость главы государства от Учредительного собрания уравновешивалась самостоятельностью в управлении страной и подчиненностью автономий непосредственно президенту. Повстанцы поддерживали федеративный строй, среди будущих субъектов («княжеств») названы Башкирия, Украина, Польша. Не стоит усматривать противоречие в совмещении понятий «республика» и «княжество», – последнее понималось, как административная единица без какой-либо монархической нагрузки. Примкнувшие к Охранюку в Башкирии отряды Ф. Магасумова распространили воззвание «Ко всему честному населению, пострадавшему под гнетом насильников России», где присутствуют религиозные мотивы, антисемитские выпады, а также звучат обвинения в провокации выступлений: «Стараясь избежать кары ... народа, жиды пускаются в насилие, издают наглые декреты и приказы, дабы вызвать восстание масс и использовать этот случай как повод к беспощадным расстрелам» [14].

Итак, основными постулатами повстанческой идеологии в 1920–22 гг. выступали верность революционным завоеваниям, антикоммунизм, а также религиозные мотивы, зачастую сливавшиеся с антисемитскими выпадами. В вопросах организации высшей власти повстанцы предложили три основных варианта: Советы без коммунистов, Учредительное собрание и народные комитеты. Большинство воззваний содержит идею федерализма с правом наций на самоопределение и автономию. Почти все программы носили декларативный характер в смысле политических установок, конкретные предложения встречались редко. Заметна связь идеологии с ее носителями – лидерами восстаний или движущей силой (казачество, дезертиры). Несмотря на популярность ряда заявлений, их идентичность позициям населения, политическая платформа большой роли не играла. Значительной массой восставших двигали не лозунги, а отчаяние, желание защитить себя и близких, что в конечном счете и определяло судьбу восстания. К тому же у повстанцев не было должных условий и ресурсов для

ведения информационной войны в глобальном масштабе. Платформа повстанчества не была однородной, наблюдалась прямо противоположная направленность. Пик развития идеологии не совпал с наивысшим подъемом самого повстанческого движения (Курганским восстанием в феврале-марте 1920 г.), а пришелся на выступления В. Серова и Черского (лето 1921 – весна 1922 гг.), но, несмотря на различия, повстанчество пыталось указать населению «третий путь» создания власти без диктатуры классов и политических партий.

1. Ишбулатов Ф.А. «Долой яичников и масленников!» Антисоветский мятеж в Бузулуке, 1920 год // Гостиный двор. Лит.-худ. и общ.-полит. альманах. (Оренбург), 2000 № 9.
2. Кондрашин В.В., Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. [Текст] – М., 2001.
3. Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД. 1918–1939 гг. [Текст] Док-ты и мат-лы в 4-х тт. Под ред. А.Береловича, В.Данилова т. 1 1918–1922 гг. М., 2000.
4. ЦГАОО РБ ФП–1832. Оп. 4. Д 308 Л. 1.
5. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 29(Об) 30 (Об).
6. ОГАЧО ФП-77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 19, 53 (Об).
7. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп 2. Д 83 ЛЛ. 1.
8. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп 2 Д. 184 ЛЛ. 1–1 (Об).
9. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 Л. 37 (Об).
10. ОГАЧО ФП–596 Оп. 1 Д. 195 ЛЛ. 19–19 (Об), 318.
11. ЦДНИОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 360. ЛЛ. 28– 29(Об).
12. ЦДНИОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 234. Л. 101 (Об), 102.
13. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп.1 Д.165 Л.2., ОГАЧО ФП–77 Оп. 1. Д.344. Л. 101.
14. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 344 Л. 72.

1. Ishbulatov F.A. «Doloj jaichnikov i maslennikov!» Antisovetskij mjatezh v Buzuluke,1920 god // Gostinyj dvor. Lit.-hud. i obshh.-polit. al'manah. (Orenburg), 2000 № 9 (Russian).
2. Kondrashin V.V., Krest'janskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1922 gg. [Tekst]. M., 2001 (Russian).
3. Sovetskaja derevnja glazami VChK – GPU – NKVD. 1918–1939 gg. [Tekst] Dok-ty i mat-ly v 4-h tt. Pod red. A.Berelovicha, V.Danilova t.1 1918–1922 gg. M., 2000 (Russian).
4. CGAOO RB FP–1832. Op. 4. D 308 L. 1 (Russian).
5. OGAChO FP–77 Op. 1 D. 127 LL. 29(Ob) – 30 (Ob) (Russian).
6. OGAChO FP-77 Op. 1 D. 127 LL. 19, 53 (Ob) (Russian).
7. CGAOO RB FP–1832 Op 2. D 83 LL. 1 (Russian).
8. CGAOO RB FP–1832 Op 2 D. 184 LL. 1–1 (Ob) (Russian).
9. OGAChO FP–77 Op. 1 D. 127 L. 37 (Ob) (Russian).
10. OGAChO FP–596 Op. 1 D. 195 LL. 19–19 (Ob), 318 (Russian).
11. CDNIOO F. 1. Op. 1 D. 360. LL. 28–29(Ob) (Russian).
12. CDNIOO F. 1. Op. 1 D. 234. L. 101 (Ob), 102 (Russian).
13. CGAOO RB FP–1832 Op.1 D.165 L.2., OGAChO FP–77 Op. 1. D. 344. L. 101 (Russian).
14. OGAChO FP–77 Op. 1 D. 344 L.72 (Russian).

UDC 321(091); 34(091)

POLITICAL PLATFORM OF INSURGENT MOVEMENT OF THE SOUTHERN URALS IN 1920–1922

Pankin Stanislav Igorevich,
Financial University under
the President of the Russian Federation,
Chelyabinsk Branch,
Senior Teacher,
Candidate of Sociological Sciences,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Annotation
The article is devoted to the analysis of political programs of the armed performances in the region in 1920-1921. Taking into account national and social composition of participants of the movement the author reveals features of ideologies in the various centers. Development of the main ideas and rebellion postulates during the considered period is shown.

Key concepts:
insurgents,
political platform,
desertion,
military leaders,
revolts.